

СООБЩЕНИЯ

М. Я. Саррина

К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПАХ ГЕРОЕВ «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА» (в продолжение темы «Тургенев и Аполлон Григорьев»)

Замысел романа «Дворянское гнездо» относится, по признанию самого Тургенева, к началу 1856 года. На обложке рабочей тетради, в которой содержится черновая рукопись большей части романа, сохранилась запись: «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО, / повесть Ивана Тургенева. / Задумана в начале 1856-го года; долго очень не принимался за нее, всё вертел ее в голове; начал выработать ее летом 1858-го года в Спасском. / Кончена в понедельник, 27-го октября 1858-го года в Спасском».¹ Впервые описание рукописи было дано французским исследователем А. Мазоном.² Он же первым опубликовал и указанную надпись. Правда, ни Мазон, ни впоследствии составители седьмого (*ПССиП(1)*) и шестого томов сочинений (*ПССиП(2)*) первого и второго академических изданий не отметили, что в этой записи было сделано два исправления: вместо слова «выработать» первоначально было написано «отрабатывать» и, что особенно важно для нас, вместо слова «летом» было начато «в», что, по всей видимости, означало «весной» 1858 года.

Сравнительно недавно вопрос о времени возникновения замысла романа был поставлен под сомнение в работе известного новозеландского ученого Патрика Уоддингтона.³ Критикуя точку зрения автора

¹ *BN*. Slave 92, page du garde. См. иллюстрацию на с. 433. См. также: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10522483h/f3.image>

² *Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev: Notices et extraits. Paris, 1930. P. 63.

³ *Уоддингтон П.* О хронологии создания «Дворянского гнезда» // *Т. Вопр биограф и творч (1990)*. С. 78–86.

историко-литературной части комментариев к «Дворянскому гнезду» в обоих академических изданиях (Т. П. Головановой, которая также готовила текст романа и варианты чернового автографа), П. Уоддингтон предположил, что упоминание о «новой большой повести» в письме к И. И. Панаеву от 3 (15) октября 1856 года, а также о совсем сложившемся «в голове плане романа» и даже набросанных «первых сценах» в письме к В. П. Боткину от 25 октября (6 ноября) того же года нельзя считать первыми свидетельствами о работе писателя над «Дворянским гнездом». Поводом к пересмотру датировки замысла романа, очевидно, послужило неизвестное ранее письмо Тургенева к Полине Виардо из Спасского, начатое 9 (21) и законченное 18 (30) июля 1858 года, где он сообщал о работе над новым романом. «...Как бы я был счастлив, — писал Тургенев, — если бы мог изложить вам его план, представить характеры, цель, которую я себе наметил, и проч.; как охотно принял бы я замечания, которые вы бы мне сделали! На этот раз я долго обдумывал сюжет и надеюсь избежать тех внезапных, нетерпеливых решений, которые вас справедливо раздражали».⁴ Из этих слов П. Уоддингтон сделал вывод, что собственно работа над романом началась между датами, обозначенными в письме, поскольку это был план и формулярные списки («характеры»), еще неизвестные Полине Виардо, а в упомянутых письмах к Боткину и Панаеву 1856 года речь шла о будущем романе «Накануне» или вообще о какой-то неизвестной повести.⁵ Между тем из приведенного письма к П. Виардо можно сделать и другой вывод, а именно: что Тургенев радикально переделал план романа, с которым уже знакомил П. Виардо, не одобрявшую слишком «нетерпеливые» повороты сюжетной линии. Кстати, именно неодобрение П. Виардо могло отложить написание романа на два года. Но важно отметить и другое:

⁴ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 399. Подлинник по-франц.

⁵ «...Ибо в противном случае у писателя была бы возможность обсудить его с Полиной Виардо во время своих встреч с нею в апреле в Лейпциге или в мае в Лондоне <...>», что не следует из приведенного письма (Уоддингтон П. О хронологии создания «Дворянского гнезда». С. 80–81). Точка зрения Уоддингтона была принята Н. С. Никитиной в *Летописи (1818–1858)* (С. 453, примеч. 113), хотя отмеченные здесь события, произошедшие в перерыве между началом и окончанием письма к П. Виардо (те девять дней между 9 и 18 июля ст. ст. 1858 г., в которые, по мнению Уоддингтона, Тургенев приступил непосредственно к написанию романа), а именно: поездка с 11 по 12 июля к Фету в Новоселки, охота с ним же между 12 и 16 июля, возвращение в Спасское лишь 16 июля, кажется, не оставляют времени для усидчивой работы над новым произведением (Там же. С. 428). Очевидно, по этой причине Н. С. Никитина не отметила здесь начала написания «Дворянского гнезда».

Дворянское Гнездо,

Сок. 25
67. Piece

повесть Ивана Тургенева.

Заключена в печать 1858-го года, до сих пор
не поступила за нее, все вернулось ей в
полн; печать исправлена ей в 1858-
году в С.-Петербурге.

Копчена в Поневежи, 27-го октября

1858-го года в С.-Петербурге

1858.

«Дворянское гнездо». Титульный лист чернового автографа

в письме к П. Виардо от 20 января (1 февраля) того же 1858 года Тургенев, сообщая о том, что приступил к «довольно большому роману», напоминал: «...план которого я, по-моему, вам рассказывал как-то вечером в Париже».⁶ В комментариях к письму по этому поводу говорится: «Тургенев имеет в виду роман „Дворянское гнездо“, который был задуман в начале 1856 г. Беседовать о нем с П. Виардо Тургенев мог в конце лета — начале осени этого года».⁷ Тогда же П. Виардо могла сделать замечания, о которых Тургенев вспоминал в упомянутом письме. Сказанное не противоречит тому, что непосредственно к написанию романа он приступил позже, в июле 1858 года, как не противоречит и приведенной выше записи на обложке рабочей тетради с черновым автографом «Дворянского гнезда».

Следует, таким образом, признать, что высказанное Т. П. Головановой в историко-литературной части комментариев (реальные комментарии к роману были написаны М. П. Алексеевым) мнение, обобщающее разыскания целого ряда исследователей, остается в силе: «Напряженная работа над „Дворянским гнездом“, самый процесс написания романа начались после возвращения писателя на родину, в спокойной обстановке жизни в Спасском. Но и предшествующий период, насыщенный разнообразными впечатлениями, — частые переезды в новые места, встречи с многими людьми, беседы с Черкасским, Боткиным, Анненковым, Герценом, с другими современниками, олицетворявшими мысль и дух века; размышления о событиях, происходивших в русской общественной жизни, о развертывавшейся подготовке к освобождению крестьян, о роли дворянства в этом процессе, — был периодом интенсивного накопления материала и вынашивания основных образов и идей романа».⁸ Несомненно, в ряду перечисленных комментатором современников Тургенева должно стоять и имя Ап. Григорьева, с которым Тургенев встречался во Флоренции в марте 1858 года. «Григорьевский» след в «Дворянском гнезде» не раз становился предметом исследования в отечественном литературоведении. Однако прежде чем приступить к этой теме, следует обратить внимание на еще одну мысль, высказанную в упомянутой статье П. Уоддингтона, несмотря на то, что исследователь признает лишь одно упоминание о будущем романе за «подлин-

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 390. Подлинник по-франц. В *Летописи (1818–1858)* упоминание о «новом большом романе» также никак не прокомментировано (С. 413).

⁷ Там же. С. 584.

⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 378.

ное», то есть относящееся к «Дворянскому гнезду», а именно письмо к гр. Е. Е. Ламберт от 22 декабря 1857 года (3 января 1858 года), где читаем: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой — девушка, существо религиозное <...>».⁹

«Отметим, — пишет П. Уоддингтон, — что на этой стадии обдумывания и первых набросков романа писатель, по-видимому, в значительной мере под влиянием своей переписки с графиней Ламберт и, быть может, под впечатлением от своего пребывания в Риме (этой признанной колыбели организованного христианства, претендующей быть его столицей) предполагал главным лицом в своем задуманном произведении сделать героиню, будущую Лизу Калитину, а не героя, Лаврецкого, характер которого с его колебаниями и сомнениями, с отраженными в нем мотивами судьбы и цыганского существования, возможно, сложился у Тургенева уже на самых ранних подступах к „Дворянскому гнезду“».¹⁰ Признавая несомненным высказанное мнение относительно первоначального замысла, в котором Лиза была главным лицом в романе, усомнися в выводе исследователя о времени переакцентировки внимания на образ Лаврецкого. Она могла состояться не на самых ранних подступах к роману, а значительно позже, и здесь могли иметь особое значение встречи Тургенева с Ап. Григорьевым во Флоренции в начале марта 1858 года.¹¹

Значение флорентийских бесед Тургенева и Григорьева при создании образа Лаврецкого убедительно аргументировали Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров. Комментируя единственное сохранившееся письмо Григорьева к Тургеневу, исследователи отмечают: «Более чем вероятно, что Тургенев во время флорентийских бесед узнал многие факты из личной жизни Г<ригорьева> и использовал их, а также некоторые черты характера Г<ригорьева> при создании образа Лаврецкого в „Дворянском гнезде“ (скандальная история женитьбы отца на простой девушке, некоторые особенности воспитания в детстве, трагическое потрясение при обнаружении измены жены) <...>».¹²

Необходимо добавить, что в Италии Григорьев переживал сильную личную драму. О неразделенной любви к юной Леониде Визард, в ко-

⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 283.

¹⁰ Уоддингтон П. О хронологии создания «Дворянского гнезда». С. 80.

¹¹ Об этих встречах см.: Саррина М. Я. Тургенев и Аполлон Григорьев: Диалоги во Флоренции // Тургеневский ежегодник 2010 года. Орел, 2011. С. 33–49.

¹² Григорьев А. А. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 404, примеч. к письму 212 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание сокращенно: Григорьев. Письма.

торой он видел столь поздно обретенный женский идеал, о сковывающих узах брака критик не мог не рассказать писателю. Эти факты из личной жизни Григорьева мог использовать Тургенев при создании образа Лаврецкого.

Б. Ф. Егорову принадлежит одно любопытное наблюдение. Анализируя прозу Ап. Григорьева, он пришел к выводу, что в ней «оказалось неожиданно много зародышей, „черновики“, абрисов будущих значительных идейно-художественных разработок. Например, очень многое здесь предвещает известные тургеневские открытия».¹³ Среди подобных открытий Григорьева исследователь справедливо называет сквозной, «переходящий из повести в повесть» образ «лишнего человека» Александра Ивановича Браги (что уже само по себе дает право отнести его к разряду типов), который в рассказе «Один из многих» говорит о себе: «...я не литератор, не служащий, я человек вовсе лишний на свете».¹⁴ «Рассказ в трех эпизодах» (авторский подзаголовок) «Один из многих» был впервые опубликован в журнале «Репертуар и Пантеон» в 1846 году (№ 6), а четыре года спустя «этот эпитет благодаря тургеневской повести „Дневник лишнего человека“ станет всероссийски известным и значимым».¹⁵

Егоров же обратил внимание на сходство некоторых деталей в биографиях Федора Ивановича Лаврецкого и Григорьева. Однако в данной статье привел лишь одно из них — «спартанское воспитание полковником Скарлатовым Ванюши Званинцев <...> — как бы прообраз будущей сходной истории тургеневского Лаврецкого (ряд других фактов биографии Лаврецкого Тургенев, надо полагать, заимствовал из рассказов Григорьева о его реальной жизни: известно их сближение в период создания „Дворянского гнезда“ и слишком уж сходны эпизоды)».¹⁶ Соглашаясь в целом с высказанной гипотезой о прототипичности образа Лаврецкого, скажем сразу, что значение многих «совпадений» в биографиях Лаврецкого и Григорьева не следует преувеличивать, они носят вполне типовой для эпохи характер.

Необходимо помнить, что повествование о Лаврецком, как уже отмечалось исследователями, «изобилует автобиографическими дета-

¹³ Егоров Б. Ф. Художественная проза Ап. Григорьева // Григорьев Ап. Воспоминания / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров. М., 1988. С. 350–351 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание сокращенно: *Григорьев. Воспоминания*.

¹⁴ Там же. С. 211.

¹⁵ Там же. С. 351.

¹⁶ Там же.

лями».¹⁷ Так, в воспоминаниях о Тургеневе Н. А. Островской говорится, что, изображая «спартанское» воспитание Лаврецкого, писатель имел в виду в том числе себя и своего отца.¹⁸ Цитируемое Т. П. Головановой в комментариях к роману письмо Тургенева к П. Виардо также свидетельствует о том, что подобный подход к воспитанию в дворянских семьях не был редкостью.¹⁹

К сказанному можно добавить несколько существенных деталей. Несомненно, в сюжете об отце Лаврецкого, женившемся, вопреки воле родителей, на крепостной девушке Маланье, явно прочитывается история женитьбы отца Григорьева на дочери кучера. Но подобные «мезальянсы» не были исключением в среде дворянства. Представляется очень важной акцентированная писателем в результате правки в автографе после первого чтения романа в конце ноября — начале декабря 1858 года тема близости Лаврецкого к народу. «Писатель, — отмечает Т. П. Голованова, — упорно оттеняет вставками важное для него обстоятельство — мужицкие черты в характере Лаврецкого».²⁰ В уста Михалеви́ча Тургенев вписывает строки «о происхождении Лаврецкого от матери-крестьянки („благодари бога, что и в твоих жилах течет честная плебейская кровь“».²¹

¹⁷ См.: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 397, коммент. Т. П. Головановой.

¹⁸ Рассуждая о приемах воспитания и воздействии его на детей, Тургенев говорил Островской: «Мое убеждение <...>, что можно обучить, но не воспитать. Каким образом, под каким впечатлением складывается характер, до сих пор еще остается неразгаданной тайной. Вот вам пример <...>. Нас с братом и Самариных наши отцы воспитывали по одной и той же системе. Я описал подобную систему в „Дворянском гнезде“ в детстве Лаврецкого. В это время многие увлекались так называемым спартанским воспитанием. И что же вышло? Я оказался слабохарактерным, расплывчатым, а из Юрия, Дмитрия Самариных вышли люди сосредоточенные, с сильной волей» (*Островская Н. А. Из воспоминаний о Тургеневе // Т в восп совр (2)*. Т. 2. С. 87).

¹⁹ Как раз в период написания «Дворянского гнезда» Тургенев, рассказывая о семейных обстоятельствах сестры Л. Н. Толстого Марии Николаевны, писал: «Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным. У нее трое детей, которые отлично развиваются, особенно с тех пор, как папаши нет с ними. Он, независимо от их поведения, обращался с ними весьма сурово, доставляя себе удовольствие воспитывать их на спартанский лад, сам ведя образ жизни совершенно противоположный. Подобные вещи случаются часто: люди таким образом доставляют себе удовольствие быть и порочными и добродетельными — добродетельными за чужой счет» (*ПССиП(2)*. Письма. Т. 3. С. 396. Письмо к П. Виардо от 25 июня (7 июля) 1858 г. Подлинник по-франц.).

²⁰ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 6. С. 384.

²¹ Там же.

Очень может быть, что, рассказывая в беседах с Тургеневым²² о своем роде, Григорьев, который, в отличие, например, от Фета, «довольно спокойно относился к своему „незаконному“ рождению и мещанскому званию (скорее даже гордился им <...>», говорил о «своей кровной связи с народом».²³ Именно в близости к народу он видел главное отличие и своего независимого учения: «Мы не ученый кружок, как славянофильство и западничество: мы — народ».²⁴ Тема близости к народу, интерес и сочувствие к жизни крепостных занимают одно из центральных мест в мемуарах Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества».

Именно близость Лаврецкого к народу подчеркивал Григорьев в цикле статей о романе «Дворянское гнездо»: «Лаврецкий — живой человек, связанный с жизнью, почвою, преданиями, но прошедший бездны сомнения, внутренних страданий, совершивший несколько моральных скачков. Отсюда выходит весь его душевный процесс, вся драма его отношений».²⁵ По мнению критика, в образе Лаврецкого (и Лежнева — героя романа «Рудин») «философское направление кончается смирением перед действительностью, смирением перед <...> *народною правдою*».²⁶ Это «смирение действительное», в нем «больше внутренних, физиологиче-

²² В «Краткой летописи жизни Ап. Григорьева» Б. Ф. Егоров отмечает: «Начало марта 1858 г. Приезд во Флоренцию И. С. Тургенева, непрерывные, в течение нескольких дней, беседы с ним» (*Григорьев. Воспоминания*. С. 375).

²³ *Егоров Б. Ф. Художественная проза Ап. Григорьева*. С. 363. Здесь можно отметить, что сравнение с обстоятельствами рождения А. А. Фета не вполне корректно, поскольку в случае Фета речь шла не о «низком» происхождении (напротив, мать Фета принадлежала к аристократическому немецкому роду фон Гагернов).

²⁴ *Григорьев. Письма*. С. 128. Письмо к М. П. Погодину (около апреля 1857 г.). Следует учитывать, что под народом Григорьев понимал не «исключительно одно крестьянство», видя также «старую извечную Русь» «в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу» (Там же. С. 106. Письмо к А. И. Кошелеву от 25 марта 1856 г.). В этом проявлялся демократизм критика, которому славянофильство было «отчасти смешно, отчасти ненавистно как *барство* с одной стороны и пуританство с другой» именно потому, что видело «*народное* начало только в одном крестьянстве (потому что оно у *них* связывается с старым боярством)» (Там же. С. 127).

²⁵ *Григорьев Ап. И. С. Тургенев и его деятельность: По поводу романа «Дворянское гнездо»* (Русское слово. 1859. № 1). Письма к г. Г. А. К. Б. // *Сочинения Аполлона Григорьева* / Изд. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. Т. 1. С. 432. Далее ссылки на эту статью сокращенно: *Григорьев. Тургенев и его деятельность*. Цитируем по этому изданию, поскольку здесь статья опубликована без купюр.

²⁶ Там же. С. 382.

ских связей с той почвою, которая произвела их».²⁷ Трактовка критиком образа Лаврецкого в цикле статей о романе «Дворянское гнездо» очень личностная. Очевидно, что все процитированные выше строки, по мнению Григорьева, в равной мере характеризуют и Лаврецкого, и его самого. Недаром в начале четвертой статьи цикла Григорьев обобщает свои рассуждения о характере Лаврецкого указанием на черты, «которые делают его нашим общим представителем».²⁸ Григорьев, несомненно, видел биографическое и духовное родство между героем романа и собой, воспринимал себя как человека, «в народ верующего» и «воспитавшего в себе смирение перед народною правдою». Прямо обращаясь к Тургеневу в начале статьи о «Грозе» А. Н. Островского, Григорьев недвусмысленно указывает на это духовное родство: «Для меня лично, человека в народ верующего и давно, прежде вашего Лаврецкого, воспитавшего в себе смирение перед народною правдою, понимание и чувство народа составляют высший критерий <...>».²⁹ Не случайно именно слова Лаврецкого — «Смирение перед народною правдою» — критик выносит в качестве одного из эпиграфов к этому новому циклу статей, написанному в форме писем к Тургеневу. Рискнем предположить, что сама эта формулировка могла прозвучать из уст Григорьева и была вложена Тургеневым в уста Лаврецкого.

Интересно, что в статьях о «Дворянском гнезде», цитируя текст романа, критик выделил курсивом те строки о мужицких чертах в характере Лаврецкого, которые писатель добавил в ходе интенсивной правки после первого чтения. Однако трактовал их Григорьев несколько иначе: как «борьбу природы *сделанной*, созданной идеями, образованием, с натурой грубой, звериной», борьбу «против стихийного, физиологического».³⁰ «Правда, — пишет критик, — что приливы звериных свойств природы тут только пена, а не настоящее дело. Лаврецкий не только что не убил — не побил бы своей жены; за это можно отвечать».³¹

Еще одна черта личности Григорьева, точнее событие его духовной биографии, о котором мог размышлять писатель, создавая образ Лаврецкого, — неопытность, неумение отличать истинное чувство от лож-

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Григорьев Ап. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Письмо первое // Григорьев Ап. Литературная критика / Под ред. Б. Ф. Егорова. М., 1967. С. 368.

³⁰ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 386.

³¹ Там же.

ного и как следствие — обман и трагически неудачная женитьба. Необходимо отметить, что эти эпизоды также подверглись интенсивной правке. «Почти каждая строка в этих эпизодах имеет по несколько вариантов, иногда до 8».³² Возможно, общение с критиком во Флоренции помогло писателю найти точное психологическое объяснение ослепления Лаврецкого ложным чувством. И это объяснение было чрезвычайно близко критику. Одной из причин «драмы отношений» молодого Лаврецкого является позднее взросление героя и его неподготовленность к жизни.

Образ «взрослого ребенка» значим в романе. «Здоровый, краснощекий, уже с заросшей бородой, молчаливый» Лаврецкий «производил странное впечатление на своих товарищей; они и не подозревали того, что в этом суровом муже, аккуратно приехавшем на лекции в широких деревенских санях парой, таился чуть не ребенок».³³ Женившись на Варваре Павловне, Лаврецкий «блаженствовал, упивался счастьем; он предавался ему, как дитя... Он и был невинен, как дитя, этот юный Алкид».³⁴ Возможно, мотив «взрослого ребенка» Тургенев заимствовал именно из флорентийских бесед с Григорьевым. Ведь эта тема была чрезвычайно значимой, даже болезненной для критика. Фактически сбежав в Петербург из Москвы в 1845 году, он так объяснял отцу причины отъезда: «Мне стало несносно <...> жить *ребенком* (вспомните только утренние головочесания, посылания за мною по вечерам к Крыловым Ванек, Иванов и сцены за лишний высиженный час), <...> мне стало *постыдно* выносить чьи бы то ни было наставления».³⁵ От надежд на любовь и счастье он отрекся: «А у меня не было *надежд*; ребенок, которому чесали головку — я, однако, был столько благороден, чтобы отречься от всяких надежд».³⁶

Причина, по которой Лаврецкий не повзрослел вовремя, — та же, что и у Григорьева — «совершенно уродливое воспитание», обусловленное «гнетом деспотизма домашнего».³⁷ Отец Федора Лаврецкого, Иван Петрович, по мнению критика, — «тип не простой, а тип реформаторский. Ведь он ломает жизнь по своему личному капризу, где только может, — ведь он своими бестолковыми реформаторскими замашками

³² ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 376.

³³ Там же. С. 44.

³⁴ Там же. С. 48.

³⁵ Григорьев. Письма. С. 17.

³⁶ Там же. С. 17–18.

³⁷ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 442.

и оскорбляет, и, — когда эти реформаторские замашки оказываются мыльными пузырями, — возбуждает к себе невольное презрение».³⁸ Ощувив «на себе всю тяжесть зависимости от подобного типа в жизни», при «освобождении из-под гнета» Лаврецкий «законно мог почувствовать, что жизнь перед ним открывается».³⁹ Нечто похожее мог испытать в свое время и Тургенев, вырвавшись из-под деспотической опеки матери, когда оказался за границей в мае 1838 года. Даже «реформаторство» Варвары Петровны было вполне сопоставимо с «реформами» Ивана Петровича Лаврецкого. Однако, по мнению критика, «спартанская система воспитания, как всякая теория, нисколько не приготовила Лаврецкого к жизни... Лучшее, что дала ему жизнь, было сознание недостатков воспитания».⁴⁰ Герой совершил ошибку, женившись на Варваре Павловне, именно потому, что «был лишен всякого понимания жизни».⁴¹ В результате «капризного воспитания», даже когда «заколдованный круг расторгся», Лаврецкий «сознавал, что он не свободен; он втайне чувствовал себя чужаком» и «продолжал стоять на одном месте, замкнутый и сжатый в самом себе».⁴²

Представляется далеко не случайным, что именно Григорьев был единственным критиком, который при разборе романа акцентировал внимание на теме домашнего деспотизма. «Человеком жестоким, дерзким, умным и лукавым» был родной прадед Федора Лаврецкого, Андрей, который чем «тише говорил, тем больше трепетали все вокруг него».⁴³ «До нынешнего дня не умолкла молва об его самоуправстве, о бешеном его нраве, безумной щедрости и алчности неутолимой».⁴⁴ Тетке Лаврецкого, Глафире, «все <...> покорялись; без ее разрешения куска сахара не выдавалось; она скорее согласилась бы умереть, чем поделиться властью с другой хозяйкой, — и какую еще хозяйкой!».⁴⁵

³⁸ Там же. С. 440.

³⁹ Там же. С. 439–440.

⁴⁰ Там же. С. 441.

⁴¹ Там же. С. 442.

⁴² *ПССиП(2). Соч.* Т. 6. С. 43.

⁴³ Там же. С. 28–29.

⁴⁴ Там же. С. 29. «В первоначальной редакции приводилось значительно больше подробностей из семейной хроники Лаврецких, чем вошло в окончательный текст. В частности, подробнее описывались „страшные дела“ Тимофея Лаврецкого и его сына Петра, прадеда и деда героя — жестокие методы обучения дворовых мальчиков ремеслу, картина оскудения некогда богатых хозяйств, произвол и беспутство поместных прожигателей жизни» (Там же. С. 398).

⁴⁵ Там же. С. 36.

Можно ли приобрести нравственные качества, которыми человек не обладает с рождения? Возможно, об этом говорили писатель и критик во Флоренции. Тургенев мог рассказать о брате деда по материнской линии — А. И. Лутовинове, которого можно считать прототипом деда Лаврецкого. На черты сходства «между образом деспота Андрея Лаврецкого и братом деда Тургенева по материнской линии Алексея Ивановича Лутовинова, между жизненной судьбой отца Лаврецкого Ивана Петровича и деградировавшего вольтерьянца Ивана Ивановича Лутовинова» не раз указывалось литературе.⁴⁶

Григорьев — в свою очередь — мог рассказать о «мире страшного, багровского деспотизма», о «домашней догме», постоянном «ожидании проявлений непререкаемой власти», о своем деде, представителе типа «кряжевых людей бывалой эпохи».⁴⁷ Свое детство и юность критик описал в мемуарах «Мои литературные и нравственные скитальчества». В них Григорьев посмотрел «на себя как на одного из сынов известной эпохи», поэтому в книгу вошло «только то, что характеризует эпоху вообще», а «личное» «только в той степени, в какой оно характеризует эпоху».⁴⁸

Вспоминая необузданные выходки отца, Григорьев писал: «Нет, это было нечто физиологическое, дань чему-то родовому, нечто совсем бешеное и неистовое, нечто такое, чего приливы я сам, конечно, по другим поводам, чувствовал иногда в себе и чему тоже отдавался, как зверь...».⁴⁹ Вспомним, что именно как один из приливов «звериных свойств природы» критик трактовал желание Лаврецкого избить жену.

Узнав об измене жены, Лаврецкий «затрепетал весь и бросился вон; он почувствовал, что в это мгновение он был в состоянии истерзать ее, избить ее до полусмерти, *по-мужицки*, задушить ее своими руками».⁵⁰ Ему хотелось «пойти, сказать им: „*Вы со мной напрасно пошутили; прадед мой мужиков за ребра вешал, а дед мой сам был мужик*“, — да убить их обоих».⁵¹ Подчеркнем еще раз, что выделенные курсивом строки были внесены Тургеневым при переработке романа.

⁴⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 398.

⁴⁷ Григорьев А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев. Воспоминания. С. 14, 13.

⁴⁸ Там же. С. 10.

⁴⁹ Там же. С. 17.

⁵⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 52. Выделено мною. — М. С.

⁵¹ Там же. С. 53. Выделено мною. — М. С.

В мемуарах Григорьева тема безотчетного смирения перед домашним деспотизмом и его влияния на ребенка связана прежде всего с личностью отца.

Тургенев как тонкий психолог, познакомившись ближе во Флоренции с Григорьевым, несомненно понял, что в характере критика удивительно сочетались стремление к единовластию, категоричность, не позволившие ему долго сотрудничать ни в одном из существовавших журналов, и бесхарактерность, безответственность, следствием которых стали постоянные финансовые проблемы, алкогольная зависимость и убеждение, что любые проблемы можно решить отъездом, побегом.

Есть, правда, и другая версия «григорьевского» следа в романе «Дворянское гнездо». В содержательной статье «„Дворянское гнездо“: О реальных истоках образа Михалевича» Г. Н. Антонова отметила, что образ Михалевича воплощает характерные черты «русских романтиков славянофильского толка, идеология которых складывалась в 30-е годы»,⁵² а «самый душевный склад и судьба этого героя, как они раскрываются в романе, разительно напоминают нравственный облик и некоторые факты биографии А. Григорьева».⁵³ Идеализм, фанатическая преданность идеалам, демократизм, бедность, о которой свидетельствовали небрежность одежды и манер, — «эти приметы облика тургеневского героя тоже во многом повторяли характерные черты личности А. Григорьева».⁵⁴ В некоторых эпизодах биографии Михалевича (восторженные влюбленности, учительство в «казенных заведениях») также, по мнению Антоновой, отразились факты из жизни А. Григорьева.⁵⁵ Высказанные наблюдения позволили исследовательнице признать Ап. Григорьева прототипом образа Михалевича, хотя и с оговоркой, что этот образ имеет «обобщающий смысл».⁵⁶

Опираясь на эпистолярное наследие Тургенева и мемуары А. А. Фета, еще одну версию прототипичности образа Михалевича предложила Н. П. Генералова, придя к выводу, что в спорах Лаврецкого и Михалевича «отразились в значительной степени споры Тургенева с А. А. Фетом».⁵⁷

⁵² Антонова Г. Н. «Дворянское гнездо»: О реальных истоках образа Михалевича // *Т Сб.* Вып. 5. С. 228.

⁵³ Там же. С. 230–231.

⁵⁴ Там же. С. 233.

⁵⁵ Там же. С. 234.

⁵⁶ Там же. При этом, подчеркивает исследовательница, «именно художественный тип видел в нем и сам А. Григорьев».

⁵⁷ Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 388.

Прототип идеалиста Михалевича, несомненно, следует устанавливать, пользуясь выражением Т. П. Головановой, «по признаку интеллектуального и духовного родства».⁵⁸ По этому признаку сходство Михалевича с Григорьевым представляется очень спорным. Так, например, Г. Н. Антонова, упоминая о встречах Тургенева и Григорьева во Флоренции в марте 1858 года, не учитывает того факта, что круг обсуждавшихся там вопросов отражен в письме критика к М. П. Погодину: пути развития литературы в России в период борьбы позитивистского и эстетического взглядов, отличия нового направления Григорьева от западничества и славянофильства, судьба критического наследия Белинского и др.⁵⁹ Вопросы крестьянской реформы и роли дворянства в пореформенный период никогда не входили в сферу интересов критика, как и любая реформаторская, общественно-экономическая деятельность. Вопросы искусства, напротив, обсуждались ими весьма живо.

Тургенев уже был знаком с программной работой Григорьева «О правде и искренности в искусстве, по поводу одного эстетического вопроса. Письмо к А. С. Х—ву» (1856), которую критик прочитал ему во Флоренции. Работая над образом Михалевича, говорившего о своих стихах: «...в них поэзии нет, но есть правда»,⁶⁰ писатель не мог иметь в виду эстетические принципы Григорьева, поскольку, безусловно, понимал, что эти слова абсолютно противоположны взглядам критика на природу искусства. По мысли критика, искусство и правда не делимы, истинный художник является «носителем света и правды», идеала, «высшим представителем нравственных понятий, окружающей его жизни».⁶¹ Но приведенные слова Михалевича противоречат и эстетическому кредо «чистого лирика» Фета, который не мог сказать о своих стихах, что «в них поэзии нет».

Аргументируя свою точку зрения, Г. Н. Антонова цитирует первые строки из стихотворения Григорьева «Отрывок из неоконченного собрания сатир» («Сатиры смелый бич, заброшенный давно...», 1855), не публиковавшегося при жизни автора, но не приводит ни одного аргумента в пользу того, что критик познакомил с ним Тургенева. К тому же очевидно, что стихотворение посвящено не реформаторской деятельности и «долгу перед народом», а высмеиванию мнимых страданий,

⁵⁸ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 397.

⁵⁹ См.: Григорьев. Письма. С. 194. Письмо от 7–10 (19–22) марта 1858 г.

⁶⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 74.

⁶¹ Григорьев Ап. Эстетика и критика / Изд. подгот. А. И. Журавлева. М., 1980. С. 68.

«мятежных дум» и постоянных сомнений представителей литературного направления, которое Григорьев называл «лермонтовским». Поэтому данный отрывок нельзя считать аргументом, доказывающим близость идейных позиций Григорьева и Михалевича.

Противоречат принципам Григорьева и «последние три слова» Михалевича: «религия, прогресс, человечность!...».⁶² Можно предположить, что во Флоренции критик говорил писателю о своем отношении к религии и прогрессу примерно так, как написал А. Н. Майкову 9 (18) января 1858 года: «...именно ты-то и принадлежишь к числу личностей, не могущих жить без абсолюта, т. е. без целостного мирозерцания, т. е. без веры. <...> Я не знаю, что для меня отвратительнее: петербургский прогресс <...> или дилетантизм православия или, наконец, цинический атеизм Герцена! Все это вещи — равного нумера и достоинства — и <...> одинаково происходят от одной причины: от неверия в жизнь, идеалы и искусство. Все это разрешается *утилитарною* утопиею плотского благополучия или духовного рабства и китайским застоём под гнетом *внешнего* единства — за отсутствием единства внутреннего, т. е. Христа, т. е. Идеала, т. е. *Меры*, Красоты, — в которой одной заключается истина и которой одной входит истина в душу человека. <...> Искусство — это второй мир второго творца...».⁶³ Слова «прогресс» и «религия» (как антоним понятия «вера») для критика имели исключительно отрицательную коннотацию. В цитируемом Антоновой письме к Тургеневу Григорьев писал: «...мало верю вообще в *statu quo* нашего прогресса и *définitivement* (окончательно — *франц.*) верю, кажется, только в *отрицательную* правоту Герцена, да в *положительную* правоту тех таинственных, еще не раскры<в>шихся миру сил, которые зовутся *народом и православием*».⁶⁴

В целом следует признать, что принципы Михалевича кардинально отличаются от идей Григорьева.

Напротив, наблюдение Г. Н. Антоновой о схожих привычках Михалевича и Ивана Ивановича (литературной маски Григорьева)⁶⁵ является очень точным, но его можно интерпретировать иным образом. Роман «Дворянское гнездо» был опубликован на год раньше очерка Григорьева. Поэтому в некоторых характеристиках Ивана Ивановича обнаруживается текстуальное сходство с чертами Михалевича, а не наоборот.

⁶² ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 79.

⁶³ Григорьев. Письма. С. 184.

⁶⁴ Там же. С. 200. Письмо от 28 или 29 апреля (10 или 11 мая) 1858 г.

⁶⁵ Антонова Г. Н. «Дворянское гнездо»: О реальных истоках образа Михалевича. С. 233.

В характеристиках обоих героев скорее обнаруживается текстуальное сходство с характеристикой Дон-Кихота из статьи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». Черновой автограф романа, как отмечала Т. П. Голованова, также свидетельствует о том, что Тургенев сознательно вводил и подчеркивал черты сходства между Михалевичем и Дон-Кихотом.⁶⁶ Это девять «дополнительных строк, характеризующих бедность Михалевича, его дурные привычки, вызванные полуголодным существованием, его пренебрежение к одежде и по контрасту — его преданность идеалу, во имя которого он готов подвергаться всем возможным лишениям».⁶⁷ И Михалевич, и Иван Иванович (литературная маска Григорьева) наделены «донкихотским» набором черт романтика, идеалиста. Идеалистом и «вечным Дон-Кихотом» был сам Григорьев. Это, безусловно, и есть то качество критика, которое мог позаимствовать писатель для образа Михалевича. Однако романтиками и идеалистами были многие близкие Тургеневу люди поколения «культурного слоя», именно поэтому образ Михалевича является обобщающим.

Возможно, ответ на вопрос о прототипе Михалевича стоит искать в работах самого Григорьева. Разбирая в статьях о «Дворянском гнезде» эпизод спора Лаврецкого и Михалевича, критик не случайно назвал его «глубоко-знаменательной, исторической сценой».⁶⁸ В чем же, по его мнению, было историческое значение этой сцены? Образ Михалевича нужен, чтобы показать связь Лаврецкого с эпохой могущественного влияния философии, «с миром Рудина, Фауста, Гамлета Щигровского уезда».⁶⁹ Подчеркивая взаимосвязь образов Михалевича и Рудина, Григорьев пишет их через дефис: Михалевич-Рудин. Разница между этими героями и Лаврецким в том, что в Лаврецком «философское направление кончается смирением перед действительностью, <...> народною правдою», а в «Михалевиче-Рудине» «философское направление — кончается протестом, протестом вечным, безвыходным».⁷⁰ Так происходит потому, что в этих героях меньше «внутренних, физиологических связей с той почвою, которая произвела их, с той средой, которая воспитала их первые впечатления».⁷¹ Их смирение является «логическим требованием», смирение же перед почвою Лаврецкого — это «смирение дейст-

⁶⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 385.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 372.

⁶⁹ Там же. С. 368.

⁷⁰ Там же. С. 362.

⁷¹ Там же.

вительное».⁷² Таким же «действительным» является смирение «перед почвою» автора романа, потому что оно возникло в душе Тургенева, «как душе поэта — не чисто логическим, рудинским или михалевичевским требованием, — а отсадком самой почвы, самой среды, пушкинским Белкиным».⁷³

Размышляя об образе Михалевича, Григорьев очень точно уловил стремление Тургенева подчеркнуть черты сходства между Михалевичем и Дон-Кихотом.⁷⁴ Сравнивая Михалевича и Лаврецкого, он писал: «...Михалевич-Рудин — Дон-Кихот, Дон-Кихот почтенный, но все-таки Дон-Кихот, а Лаврецкий — Лежнев опозитизированный, Лежнев, которому придано много качеств Рудина».⁷⁵ Именно это сопоставление Григорьева, а также текстуальное сходство характеристик Михалевича и Дон-Кихота в статье Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» позволяют выдвинуть еще одно предположение о прототипе этого героя романа.

Нам уже приходилось затрагивать проблему взаимосвязи замыслов очерка «Встреча моя с Белинским» (и шире — воспоминаний Тургенева о Белинском) и статьи «Гамлет и Дон-Кихот».⁷⁶ Проводя параллель между указанными выше произведениями и романом «Дворянское гнездо», отметим, что замыслы всех трех относятся к 1856 году. Определенный «всплеск» творческой активности Тургенева в работе над «незаконченным» «Гамлетом и Дон-Кихотом» наблюдается в мае 1858 года. Роман «Дворянское гнездо» был закончен 27 октября ст. ст. 1858 года.

Образ Дон-Кихота для этих трех столь различных по жанру и проблематике произведений оказывается связующим. Сопоставление статьи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» и его «Воспоминаний о Белинском» дает интересный материал для выявления генезиса тургеневского образа Дон-Кихота. В частности, оно позволяет предположить, что в основу этого социально-психологического типа положен комплекс морально-этических черт, характерных для лучших людей уходящего поколения 1830–1840-х годов, и прежде всего — В. Г. Белинского. Вот почему Белинского можно с уверенностью назвать одним из «прототипов» тургеневского Дон-Кихота.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 389.

⁷⁴ Более подробно о взаимосвязи образов Михалевича и Дон-Кихота см.: ПССиП(2). Соч. Т. 6. С 385–386.

⁷⁵ Григорьев. Тургенев и его деятельность. С. 382.

⁷⁶ Саррина М. Я. К восприятию проблемы «русского Дон-Кихота»: И. С. Тургенев // Пушкинские чтения-2011. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. Материалы XVI международной конференции. СПб., 2011. С. 279–287.

При сопоставлении статьи «Гамлет и Дон-Кихот», воспоминаний Тургенева о Белинском и романа «Дворянское гнездо» параллель Дон-Кихот — Белинский — Михалевич также становится очевидной. В «Воспоминаниях о Белинском», в статье «Гамлет и Дон-Кихот» и при работе над образом Михалевича писатель ставит акценты на внешности героев (подчеркнутая некрасивость, худоба, «нескладность»), на их социальном положении (бедность Дон-Кихота и Михалевича, рассказ о бедной юности Белинского), на бескорыстии и энтузиастической природе их характеров.

В статье «Гамлет и Дон-Кихот» писатель отмечает альтруизм Дон-Кихота, в очерке «Встреча моя с Белинским» подчеркивает, что «себялюбия», «эгоизма в нем и следа не было; собственно себя он ставил ни во что». ⁷⁷ Михалевич также «не унывал и жил себе циником, идеалистом, поэтом, искренно радея и сокрушаясь о судьбах человечества, о собственном призвании — и весьма мало заботясь о том, как бы не умереть с голоду». ⁷⁸

Слова «циник», «идеалист» присутствуют и в главе о Белинском в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «...мне — признаюсь в том — доставило не малое удовольствие объявить Белинского „идеалистом“ перед сборищем людей, которым имя его представлялось неразрывно связанным с понятием о цинике, грубом материалисте и т. п. К тому же и самое название шло к нему. Белинский был настолько же идеалист, насколько отрицатель; он отрицал во имя идеала». ⁷⁹

Основное содержание эпизода с Михалевичем составляют споры этого героя с Лаврецким. В очерке «Встреча моя с Белинским» Тургенев также вспоминал многочисленные эпизоды споров: «Трудно было иногда следить за ним; человеку хотелось — по человечеству — отдохнуть, но он не знал отдыха — и ты поневоле отвечал и спорил, и нельзя было пенять на это нетерпение: оно вытекало из самых недр взволнованной души». ⁸⁰ Спорам, «продолжительным толкам, суждениям и распросам», писал Тургенев в «Воспоминаниях о Белинском», он «отдавался <...> со всем лихорадочным жаром своей жаждавшей правды души». ⁸¹ Как искренность и энтузиазм Михалевича увлекли Лаврецкого, так Тургенева увлекала искренность Белинского: «Искренность его

⁷⁷ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 168.

⁷⁸ Там же. Т. 6. С. 78.

⁷⁹ Там же. Т. 11. С. 38.

⁸⁰ Там же. С. 170.

⁸¹ Там же. С. 26.

действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала <...>».⁸²

Именно желание найти истину, «нетерпение взволнованной души» в споре отмечает Тургенев как отличительную черту Белинского. Так же горячо и искренне спорят в романе Лаврецкий и Михалевич: «Четверти часа не прошло, как уже загорелся между ними спор, один из тех нескончаемых споров, на который способны только русские люди. С оника, после многолетней разлуки, проведенной в двух различных мирах, не понимая ясно ни чужих, ни даже собственных мыслей, цепляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметах самых отвлеченных — и спорили так, как будто дело шло о жизни и смерти обоих <...>».⁸³ Стихотворение Михалевича:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок душою я стал:
И я сжег всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

также в полной мере характеризует Белинского. В очерке «Встреча моя с Белинским» Тургенев пишет об умении в поисках истины признавать свои ошибки: «Белинский <...> беззастенчиво высказал перелом, совершившийся в его убеждениях. Я с намерением употребил слово беззастенчиво. Белинский не ведал той ложной и мелкой щепетильности эгоистических натур, которые не в силах сознаться в том, что они ошиблись <...>».⁸⁴

Идеалы Михалевича сформулированы в его «последних трех словах»: «религия, прогресс, человечность!..». С одной стороны, эти слова можно сопоставить с понятиями об идеале самого писателя. В письме к Е. Е. Ламберт, рассуждая об отсутствии в русском обществе определенных, четких идеалов, Тургенев писал: «У нас нет идеала <...> идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым — и религия не всякому дается — тотчас».⁸⁵ В то же время «последние три слова» Михалевича близки идеалам Белинского. Идеал критика «был свойства весьма определенного и однородного, хотя именовался и именуется доселе различно: наукой, *прогрессом*, гу-

⁸² Там же. С. 27.

⁸³ Там же. Т. 6. С. 75.

⁸⁴ Там же. Т. 11. С. 167–168.

⁸⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 107. Письмо от 10 (22) июня 1856 г.

манностью, цивилизацией, — Западом, наконец».⁸⁶ Необходимо отметить, что для Тургенева при характеристике просветительских идеалов западничества понятия «наука», «прогресс», «гуманность», «цивилизация» были синонимичными.

Глава о Михалевиче заканчивается мыслью о значении человеческой доброты: «Многие из слов Михалевича неотразимо вошли ему в душу, хоть он и спорил и не соглашался с ним. Будь только человек добр, — его никто отразить не может».⁸⁷ Вспоминая Белинского, писатель цитировал строки Гёте из «Фауста»: «Ein guter Mann in seinem dunkeln Drange / Ist sich des rechten Weges wohl bewusst» («Добрый человек и в неясном своем стремлении всегда имеет сознание прямого пути») и писал, что «Белинский, был именно ein guter Mann, был правдивый и честный человек».⁸⁸ Эти слова также подчеркивают смысловую близость характеристик Дон-Кихота (Алонзо Доброго), Белинского и Михалевича.

Михалевич — образ, без сомнений, обобщающий, но вобравший в себя черты конкретных людей, современников Тургенева (Белинского, Фета, Ап. Григорьева и многих других).

Еще большей силы обобщение несет в себе образ Лаврецкого, однако и в нем можно усмотреть отдельные черты конкретных лиц. Если когда-нибудь будут обнаружены подготовительные материалы к роману «Дворянское гнездо», в них, несомненно, будет присутствовать имя Ап. Григорьева, оригинальная личность которого не могла не привлечь Тургенева-художника. Начатое в указанной записи на титульном листе чернового автографа время «выработки» романа (слово «весна») могло означать, что именно весной 1858 года, после «флорентийских встреч» с Аполлоном Григорьевым, Тургенев существенно изменил концепцию «Дворянского гнезда», углубив и «отработав» образ главного его героя Федора Ивановича Лаврецкого.

⁸⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 38. Выделено мною. — М. С.

⁸⁷ Там же. Т. 6. С. 79.

⁸⁸ Там же. Т. 11. С. 26. Неточная цитата, пер. Тургенева.